

Грицук Александр Андреевич

аспирант

НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный

университет «Синергия»

г. Москва

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСПОЗИТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
В ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ: СТРАТЕГИИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ
И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

***Аннотация:** в статье исследуются стратегии применения института исковой давности в гражданском и арбитражном процессе. Прослежена логика преобразования нормативно закрепленных диспозитивных полномочий участников спора в конкретные решения, применяемые последовательно непосредственно на всех этапах процесса (от момента инициирования разбирательства до стадии оспаривания состоявшихся судебных актов). Автором выявлены и систематизированы эффективные стратегии использования исковой давности оборонительного и наступательного характера. Проанализирована судебная практика Верховного Суда РФ, в т. ч. применение объективного десятилетнего срока, влияние на течение давности уточнения исковых требований и специфика исчисления сроков в делах о банкротстве (субсидиарная ответственность, признание обязательств общими обязательствами супругов). Исследована проблема конкуренции норм об исковой давности и статьи 10 ГК РФ (злоупотребление правом). Сформулированы предложения по совершенствованию процессуального и материального законодательства.*

***Ключевые слова:** исковая давность, гражданский процесс, арбитражный процесс, принцип диспозитивности, процессуальная тактика, злоупотребление правом, объективный срок давности, субсидиарная ответственность, судебная практика.*

Институт исковой давности традиционно является одним из основ гражданского права, который обеспечивает стабильность гражданского оборота, предсказуемость правовых связей, а также защиту от необоснованных притязаний (спустя длительное время) участников правоотношений. В материальном праве исковая давность (согласно ст. 195 Гражданского кодекса РФ) – это срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено [3]. Однако данный материально-правовой институт в процессуальной среде (гражданском или арбитражном судопроизводстве) приобретает характер инструмента процессуальной стратегии и тактики.

Главную особенность современного гражданского и арбитражного процесса составляет действие принципа диспозитивности. В цивилистическом процессе ход разбирательства подчинен волеизъявлению сторон, в отличие от публично-правовых отраслей (например, уголовного процесса), где движение дела в значительной степени определяется волей государственных органов. Как справедливо отмечает А.Р. Крупчатникова, принцип диспозитивности классически представляет собой возможность для лиц, участвующих в деле, свободно распоряжаться своими процессуальными и материальными правами, а также процессуальными средствами их защиты [12, с. 301]. Аналогичного мнения придерживается Т.Л. Курас, указывая, что диспозитивность в настоящее время проявлена значительно сильнее, чем в советский период развития процессуального права [14, с. 76].

Связь между принципом диспозитивности и исковой давностью закреплена императивной нормой пункта 2 статьи 199 ГК РФ. Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, которое было сделано до вынесения судом решения. Тем самым закон позволяет трансформировать пассивный способ защиты в активный процессуальный инструмент. Суд лишен полномочий по собственной инициативе (*ex officio*) отказать в иске в связи с пропуском срока, даже если материалы дела очевидно свидетельствуют об этом. Следовательно, решение вопроса о том, заявить ли о пропуске срока, на какой стадии процесса это сделать и какими доказательствами подкрепить, целиком и полностью

принимает исключительно сторона (как правило, ответчик), что становится инструментом процессуальной борьбы.

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько ключевых стратегий и реализующих их тактических приемов использования исковой давности. Указанные категории тождественными не являются. Общий вектор поведения определяется стратегией. Тактический прием выступает конкретным инструментом реализации этого вектора поведения. Традиционно данные механизмы делятся на оборонительные (стратегии ответчика) и наступательные (стратегии истца).

В рамках оборонительной стратегии наиболее распространенным тактическим приемом является управление моментом подачи заявления о пропуске срока. Ответчик, реализуя диспозитивное право, может намеренно не заявлять об истечении срока давности в отзыве на исковое заявление на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Целью такого тактического хода является раскрытие (полное) истцом своей позиции, представление всех доказательств и, возможно, признание фактов, которые сыграют впоследствии против него (то есть при исчислении момента, когда он «узнал или должен был узнать» о нарушении права).

Заявление о пропуске срока исковой давности носит заявительный характер, поэтому ответчик на любом этапе разбирательства в суде первой инстанции, в том числе в ходе судебных прений, может его представить. Это создает для истца эффект внезапности, тем самым лишает истца процессуального времени на сбор доказательств перерыва срока или уважительности пропуска срока.

Вторым эффективным тактическим приемом, реализующим оборонительную стратегию, является опора непосредственно на объективный предел исковой давности. Срок исковой давности, в соответствии с п. 2 ст. 196 ГК РФ, не может превышать десять лет (непосредственно со дня нарушения права). Одной из основных проблем применения объективного срока С.Н. Кузнецова называет его длительность, а также вероятность превышения в случае его перерыва [13, с. 177].

Однако для ответчика такой срок выступает (фактически) разумным тактическим инструментом. Субъективный срок (три года) исчисляется с момента осведомленности истца (ст. 200 ГК РФ). Это часто становится предметом манипуляций, то есть истцы стараются доказать лишь недавнее нарушение своего права. Объективный десятилетний срок, в противовес этому, носит характер абсолютный. Его течение от субъективного фактора осведомленности не зависит. Это позволяет ответчику выстроить более стабильную линию защиты.

Пример успеха стратегии – решение Верховного Суда РФ. Оно было вынесено весной 2025 года по спору коллегии адвокатов. Сама фабула дела заключается в том, что еще в апреле 2013 года (при наличии существенного долга перед кредиторами) коллегия адвокатов перечислила пожертвования. И только в 2023 году было введено конкурсное производство, далее управляющий подал к бывшему директору коллегии иск о взыскании убытков. Позицию истца (при первом рассмотрении дела) поддержали суды первой и апелляционной инстанций. Суды с апреля 2023 года, то есть с момента утверждения управляющего, исчисляли трехлетний субъективный срок.

Однако именно ответчика поддержала в итоге Экономическая коллегия ВС РФ. Суд применил положения п. 2 ст. 196 ГК РФ. Следует отметить, что 10-летний срок, как разъяснил суд, начал течь 1 сентября 2013 года (в связи с реформой ГК РФ) и 1 сентября 2023 года он истек. В защите права судом отказано, ввиду того что иск подан был лишь в октябре 2023 года. Объективный срок давности, это непреодолимый барьер. От даты назначения управляющего или реальной осведомленности кредиторов срок объективный не зависит. Здесь стабильность оборота является первичной.

Наступательная стратегия истца реализуется через специфические тактические приемы. К наиболее действенным из них относится «легитимация через признание долга» (в порядке ст. 203 ГК РФ). Течение срока прерывает само совершение действий, которые свидетельствуют о признании долга. Специально иницируют юристы истца на досудебной стадии переписку. Направляются акты сверки расчетов или предложения о реструктуризации. Подписание должником

такого документа фактически обнуляет истекший период. Срок заново начинает течь.

Иллюстрацией вышеупомянутого можно отметить дело, рассмотренное в 2024 году Лоухским районным судом Республики Карелия. Под угрозой отказа ввиду пропуска трехлетнего срока находился изначально иск ПАО «Совкомбанк» к заемщику. Прервал течение давности сам факт признания нарушения (в рамках взаимодействия с банком) [13, с. 180]. Решающее значение в этой связи приобретает активность истца. Преодолеваются барьеры формального характера таким образом, что право на судебную защиту восстанавливается в полном объеме.

Одним из тактических приемов истца (при судебных разбирательствах длительного характера), который применяется в рамках наступательной стратегии, является «уточнение без обнуления». Истец заинтересован в увеличении исковых требований, если стоимость предмета спора (к примеру, недвижимости) существенно возрастает, однако он опасается признания судом их новыми (заявленными за пределами срока исковой давности).

В Определении от 22 декабря 2025 года №305-ЭС19-15886(4) по делу №А41-55111/2017 ВС РФ сформулировал окончательную позицию по вопросу. На момент совершения сделки в рамках дела об оспаривании соглашения о разделе имущества кредитор требовал изначально взыскать 50% стоимости актива. Истец актуализировал требования до текущей рыночной стоимости при новом рассмотрении дела. В отношении суммы удорожания актива ответчиком было заявлено о пропуске срока исковой давности.

Верховный Суд РФ позицию истца поддержал. Он указал, что цель института исковой давности – устранение неопределенности в отношениях сторон. Последующее уточнение цены иска (приведение ее к рыночным показателям) не меняет момент, с которого срок давности перестал течь. Суд мотивировал упомянутое тем, что требование о применении последствий недействительности сделки было своевременно заявлено кредитором. Поскольку правовой конфликт един, актуализация стоимости для ответчика новой неопределенности не создает, а также она не нарушает стабильность правоотношений.

Трансформация диспозитивных прав в делах о несостоятельности (банкротстве), это предмет особого научного и практического интереса. И переплетаются в этой сфере публичные и частные интересы. Это порождает уникальные судебные прецеденты. Суды долгое время исходили из того, что признание обязательства должника общим обязательством супругов (п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве), это не самостоятельный иск о взыскании долга. Требование это рассматривалось исключительно как процессуальный механизм распределения средств от реализации общего имущества. Именно в применении исковой давности к подобным требованиям суды (как, допустим, в Определении ВС РФ от 27.09.2021 №310-ЭС21-17647) последовательно отказывали.

Верховный Суд РФ вектор правоприменения изменил в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан (от 18.06.2025). И именно в пункте 48 указанного документа закреплено положение: «Кредитор вправе обратиться с заявлением о признании долга общим обязательством супругов в пределах срока исковой давности». Супруг теперь рассматривается как солидарный должник. К нему непосредственно применяется общий срок давности. Это решение предоставляет супругам должников мощный диспозитивный инструмент защиты. Возможность блокировать обращение взыскания на свое личное имущество, это и есть прямой результат принятой правовой позиции. Супруг может её реализовать посредством простого заявления о пропуске трехлетнего срока.

Рассмотрение споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по долгам недействующих компаний традиционно сопровождается применением схожего набора тактических приемов. Подкрепляют правомерность предъявления кредиторами данных требований положения Обзора судебной практики, утверждённого Президиумом Верховного Суда РФ 19 ноября 2025 года. Проблема в указанной категории дел – удержание ответчиком документации, которая отражает финансовое положение юридического лица, исключенного из реестра.

Оценивая подобную практику, высшая судебная инстанция изменила подход к оценке пассивного поведения сторон. Отказ от предоставления пояснений,

раннее интерпретировался как реализация диспозитивного права, теперь является основанием применения мер процессуальной ответственности. Причиной переноса бремени доказывания непосредственно на контролирующее лицо является утаивание сведений. В этой связи действует строгая презумпция. Объективная невозможность погашения задолженности стала прямым следствием виновных действий ответчика.

Вместе с тем судебная практика закрепляет важнейшую гарантию для привлекаемых к ответственности лиц. Учитывая сугубо производную природу данного обязательства, ответчик (контролирующее лицо) наделяется правом заявлять те же материально-правовые возражения, которые изначально были доступны самой компании-должнику. В их число входит право ссылаться на пропуск исковой давности по основному долгу кредитора. Внедрение механизма предупреждает безосновательное ущемление прав контролирующих лиц. Данный механизм обеспечивает надлежащий процессуальный баланс интересов участников спора.

К числу наиболее дискуссионных вопросов последних лет по праву относится конкуренция норм об исковой давности и положений статьи 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом. Справедливо указывает в своем исследовании И.С. Егорова на отсутствие четких критериев добросовестности. Это при применении исковой давности приводит фактически к произвольному судебному усмотрению [11, с. 319]. Специфический и во многом опасный тренд в практике арбитражных судов сформировался сегодня. И именно в тех ситуациях, когда недобросовестность (например, вывод активов) суд в действиях ответчика усматривает, в праве на применение исковой давности он может и отказать. Обосновывается подобная позиция обычно защитой публичных интересов.

Подобный подход со стороны юридического сообщества подвергается жесткой, аргументированной критике. Массовое использование ст. 10 ГК РФ с целью осуществления обхода норм о давности дестабилизирует гражданский оборот, на что прямо указывает С.В. Мусарский [15]. Категории недобросовестности и злоупотребления правом носят оценочный характер (они не имеют исчерпывающих

объективных критериев). Однако применение категорий не должно служить поводом ограничения или умаления установленных законом императивных гарантий. Верховный Суд РФ подчеркивал недопустимость подобного подхода. Согласно Определению СКЭС (от 06.03.2019 №305-ЭС18-22069 и от 07.11.2025 №301-ЭС25-1489) отказ в применении исковой давности (в качестве санкции за злоупотребление правом) допускается в исключительных случаях. Данная мера применяется, если своими действиями ответчик препятствовал своевременному обращению истца в суд. Если же препятствий не создавалось, то права на защиту посредством давности само по себе правонарушение ответчика не лишает. Баланс интересов здесь первичен.

Для систематизации выявленных механизмов предлагаем представить матрицу тактических приемов использования исковой давности в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Матрица стратегий и тактических приёмов использования исковой давности

<i>Субъект процесса</i>	<i>Стратегическая цель / Тактический прием</i>	<i>Ожидаемый результат</i>
Ответчик	Оборонительная стратегия: откладывание заявления до стадии прений (тактический прием)	Психологическое давление...
Ответчик	Оборонительная стратегия: использование объективного предела (тактический прием)	Отказ в иске в полном объеме
Истец	Наступательная стратегия: инициирование признания долга (тактический прием)	Обнуление истекшего срока
Истец	Наступательная стратегия: актуализация стоимости без «нового требования»	Взыскание рыночной цены

Анализ теоретических аспектов и актуальной судебной практики позволяет сделать вывод о дальнейшем законодательном совершенствовании механизма исковой давности. Практикующие юристы и теоретики права предлагают варианты решения накопившихся противоречий. Так, С. Н. Кузнецова, например, предлагает рассмотреть с 10 до 20 или 30 лет (по аналогии с законодательством Германии) увеличение общего объективного срока исковой давности. Упомянутое актуально особенно в плане технологического развития и долгосрочных контрактов [13, с. 181].

Необходимость нормативного закрепления понятия добросовестности (непосредственно в главе 12 ГК РФ) в контексте применения срока исковой давности выдвигает И.С. Егорова [11, с. 320]. Это исключит размытое толкование судами положений статьи 10 ГК РФ. В отношении ГПК РФ и АПК РФ, здесь Т.Л. Курас и А.Р. Крупчатникова предлагают закрепить четко само понятие и принципы диспозитивности [12, с. 302; 14, с. 77]. Мера унифицирует судебную практику, а также нивелирует процессуальные злоупотребления.

Подводя итог, необходимо отметить: преобразование диспозитивных возможностей в систему тактических приемов – естественное следствие развития состязательного гражданского и арбитражного процесса. Исковая давность сегодня это сложный процессуальный инструмент, требующий знания материального права, психологии судебного спора. Эффективная реализация стратегий (оборонительных и наступательных) в сочетании с конкретными тактическими приемами позволяет защитить права добросовестных участников оборота. Однако необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, ввиду того что воля сторон не может подменять правовую определенность. Баланс между диспозитивностью сторон и статьей 10 ГК РФ – заслон от непредсказуемого судебного усмотрения.

Список литературы

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 №95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №30. – Ст. 3012.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 №315-ФЗ, с изм. от 25.03.2026 №18-П) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 23.03.2026 №67-ФЗ, с изменениями от 31.03.2026 №19-П) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532.

4. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 №127-ФЗ (ред. от 23.03.2026 №62-ФЗ, с изм., внес. Федеральным законом от 25 декабря 2023 года №655-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №43. – Ст. 4190.

5. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 №43 (ред. от 22.06.2021) // Российская газета. – 2015. – №223.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2025 по делу №А41-55111/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2021 №310-ЭС21-17647 по делу №А36-2540/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел по корпоративным спорам о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам недействующего юридического лица (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

10. Городецкая А.А. Свежая практика Верховного Суда РФ по вопросу применения сроков давности к уточненным требованиям / А.А. Городецкая. – URL: zakon.ru/blog/2025/12/24/svezhaya_praktika_verhovnogo_suda_rf_po_voprosu_primeneniya_srokov_davnosti_k_utochnennym_trebovaniy (дата обращения: 06.04.2026).

11. Егорова И. С. Актуальные проблемы применения исковой давности: анализ типичных ошибок и противоречий / И.С. Егорова // Молодой ученый. – 2026. – №3 (606). – С. 318–321. EDN UTVYBW

12. Крупчатникова А.Р. Принцип диспозитивности в гражданском процессе / А.Р. Крупчатникова // Молодой ученый. – 2024. – №17 (516). – С. 301–303. EDN YRKTAN

13. Кузнецова С.Н. Отдельные проблемы применения сроков исковой давности в суде / С.Н. Кузнецова // Молодой ученый. – 2025. – №39 (590). – С. 177–182. EDN KSERSZ

14. Курас Т.Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты / Т.Л. Курас // Сибирский юридический вестник. – 2022. – №3 (98). – С. 69–77. DOI 10.26516/2071-8136.2022.3.69. EDN LADLBV

15. Мусарский С.В. Новая практика Верховного суда РФ: неужели теперь любые требования можно вывести из-под действия исковой давности, сославшись на злоупотребление правом? / С.В. Мусарский. – URL: zakon.ru/Blogs/novaya_praktika_verhovnogo_suda_rf_neuzheli_teper_lyubye_trebovaniya_mozhno_vyvesti_iz-pod_dejstviya/113681 (дата обращения: 06.04.2026).